

Arpentieva M.R.

EAST AND WEST, INDIGENOUS AND TRANSCULTURAL PSYCHO SPIRITUAL DEVELOPMENT

**Arpentieva M.R., Russian Federation, professor of the department
of development and education psychology,
Tsiolkovskiy Kaluga State University, doctor of psychological Sciences,
associate professor**

Abstract

Modern researchers have noted the conditionality of the existing approaches in psychotherapy and psychological counseling as personal practices and, more broadly, spiritual development, counselling, social and cultural context within which they emerged, including a particular religious-philosophical, spiritual tradition, broadcast its system of cultural values and beliefs, models. Almost all currently known approaches in the practice of psychological care emerged and developed in certain socio-cultural basis. Modern psychotherapy and psychological counseling, in search of the transcultural and transdisciplinary universals, is increasingly turning to the comparison of philosophical, religious and psychotherapeutic cultures of East and West. They learn and use the meanings that organize the psychotherapeutic process with the client and consultant. These practices devote much time to issues of inefficiency and the failure of the approaches of the West to help the people of the East, the indigenous and transcultural psycho human development. Sociocultural causality approaches to psychological care puts limits their use in different religious-cultural environment. However, possession of other cultures by means of activities, beyond understanding the socio-cultural, including spiritual and moral basis of this activity, creates the illusion of competence. The breadth of repertoire of tools to help in the work of the consultant is necessary but not in itself: the neglect of the methods based on the authentic cultural heritage, in harmony with the worldview, values, beliefs and behaviours advise, abstracting from religious philosophical reason of their forming and forgetting national clinical traditions for the sake of external "panpsychists" is unproductive. Therefore, the question of cross-cultural

validity of psychological technologies of psychological aid has become the subject of debate among practitioners and theorists. Through these discussions began to take shape indigenous approach, which notes the importance of reliance on psychological concepts and techniques that reflect the cultural context of life of clients, not imposed alien concepts and cultures the meanings. Trends indigenization expressed in the desire of a growing number of researchers-psychologists to the construction of the system of scientific psychological knowledge and, consequently, the system of psychological assistance coming from indigenous realities, values, beliefs and beliefs that, in turn, are based on philosophical and religious tradition of a particular ethnic group. Each cultural community needs to develop its own indigenous approach. Western, westernized approaches are often indigenous, reflect the traditions, ideology and values only of Western society. Transcultural aspects of Western approaches found in comparison with the Eastern, in the study of semantic and interactive aspects of the interaction between professionals and clients.

Keywords: psychological counseling, indigenous practices, transcultural practices, psychotherapy, healing, understanding.

Введение

Современные исследователи отмечают обусловленность существующих подходов в психотерапии и психологическом консультировании как практиках личностного и, шире, духовного, развития, консультировании, социокультурным контекстом, в пределах которого они возникли, в том числе той или иной религиозно-философской, духовной традиции, транслируемой ею системы культурных ценностей и убеждений, моделей [6; 7; 16; 18; 23]. Практически все известные в настоящее время подходы в практике психологической помощи возникли и развиваются на определенной социокультурной основе. Современная психотерапия и психологическое консультирование, в поисках транскультурных и трансдисциплинарных универсалий, все чаще обращается к сравнению философско-религиозных и психотерапевтических культур Востока и Запада, смыслов, которые организуют психотерапевтический процесс – со стороны клиента и консультанта, вопросам неэффективности и безуспешности подходов Запада в помощи людям Востока, вопросам поиска индигенных и транскультуральных психотехник развития человека и т.д..

Индигенные и транскультурные подходы в психотерапии

Социокультурная обусловленность подходов к психологической помощи ставит ограничения их использованию в иной религиозно-культурной среде. Вместе с тем, владение инокультурными средствами деятельности, вне понимания социокультурных, в том числе духовно-

нравственных оснований этой деятельности, создает иллюзию компетентности. Широта репертуара помогающих средств в работе - консультанта необходима, однако, не сама по себе: пренебрежение методами, основанными на аутентичном культурном наследии, созвучном миропониманию, ценностям, убеждениям и моделям поведения консультируемых, абстрагирование от религиозно-философских оснований, их формирующих и забвение отечественных клинических традиций ради внешней «панпсихологизации» непродуктивны. Поэтому вопрос кросс-культурной валидности психотехнологий психологической помощи неоднократно становился предметом обсуждения, благодаря ему начал оформляться индигенный подход, который отмечает важность опоры на психологические концепции и методы, отражающие культурный контекст жизнедеятельности клиентов, а не навязанных чуждыми концепциями и культурами смыслах [6; 10; 24]. Продуктивность и эффективность помощи определяется не многообразием методов и концепций, которыми владеет и которые разделяет специалист, а качеством помощи — тем, насколько используемый подход созвучен клиенту и его проблемам.

Применение инокультурных методов влечет ряд последствий, которые проявляются как в их непродуктивности и неэффективности при работе с клиентами иной культуры и в неэтичных и непрофессиональных по своей сути попытках навязывания ценностей, убеждений и моделей поведения. Поэтому существует движение к культуросообразному подходу — девестернизация (de-westernization), направленное на стремление к укреплению независимости «незападных» и снижение претензий на универсальность религиозно-философских и психотерапевтических подходов западных цивилизаций, на индигенизацию (indigenization) жизнедеятельности, духовных и иных развивающих и помогающих практик в результате так называемого «этнического возрождения» культур и наций, их «возвращения к собственным культурным истокам» в противовес универсализации и вестернизации западной цивилизации. Индигенизация обозначает «локальные тенденции на культурное обособление и цивилизационную независимость», она предполагает, что психотехники развития человека как личности и как духовного существа должны «производиться или произрастать в определенной среде» [6]. Индигенный подход направлен на постижение и отражение взаимной обусловленности содержания (т.е. ценности и убеждения, модели поведения) и контекста (социокультурного, религиозного и исторического) взаимодействия / трансформации. Индигенное духовное и, в том числе, психотехническое знание имеет «локальное происхождение — оно не является

7th International Conference «Recent trend in Science and Technology management» 2017, V.2

привнесенным или заимствованным из других территорий», формируя индигенное консультирование /индигенную психотекрапию и иные индигенные практики духовного развития. Индигенизация включает две формы: индигенизация извне (indigenization from without) и индигенизация изнутри (indigenization from within) [16; 18; 24, p. 51;]. Первая предполагает модификацию существующих подходов при условии их трансформации в соответствии с оригинальным культурным контекстом. Вторая предполагает разработку и использование полностью оригинальных подходов внутри конкретной, определенной культуры [3;4; 7; 10; 21; 23].

Западная и восточная модели психотерапии. В настоящее время западная консультативная модель претендует на статус универсальной, для описания категории клиентов, потребности которых отвечают предлагаемому ею подходу, зафиксированному в концепции «WEIRD» - концепции категории людей, воспитанных в контексте западной социокультурной традиции (western, educated, industrialized, rich, and democratic), и составляющей, согласно Дж. Арнетт, лишь 5% населения мира [14]. Западный психотерапевт основную цель своей работы усматривает в освобождении клиента от «тиранического долга», западный психотерапевт зачастую имеет дело с проблемой личностной несвободы клиента или желанием более полной, полноценной жизни, которая трактуется в духе протестантского индивидуализма. Западная экзистенциально-гуманистическая психотерапия отражает социокультурные «коды» американского протестантского сообщества: склонность исходить из индивидуальных интересов, автономность и стремление к самоактуализации и т.п., классический психоанализа обращен к постулатам иудаизма и католицизма, их идей чистилища и индульгенций, ритуалам обрезания (кастрационный комплекс). В основе «западнистских» (термин А.А. Зиновьева) подходов лежат не столько научные, сколько неотрефлексированные идеологические и теологические постулаты с ориентацией исключительно на контингент западных клиентов, «WEIRD», — протестантов по вероисповеданию, переоценивающих значимость собственных усилий человека, индивидуалистов по жизненным ориентациям, все больше и больше склоняющихся к номадическому образу жизни, оторванных от своих корней – семьи и рода, родины. Человек Запада самоуверен и часто отрицает авторитеты, стремясь «сделать себя сам» («self made man»), он мало задумывается о последствиях своего пути, пока те его не настигают [14; 16; 18; 19; 21]. Он склонен к переживанию вины как индивидуальной, внутренней ответственности.

7th International Conference «Recent trend in Science and Technology management» 2017, V.2

Человек Востока более коллективистичен, связан с местом проживания и людьми (семьей), более ценит родовые корни, разделяя представления о должном и милости Бога как основе бытия. Он более гармоничен в свое понимании причин и последствий, а также роли семьи и окружающих людей. Он склонен к стыду как коллективной, внешней форме ответственности. Движение по созданию индигенных психологий возникало преимущественно в незападных странах и выступало в качестве реакции на безосновательное доминирование «западнистских» подходов. В восточной модели психотерапия и психологическое консультирование как часть пути освобождения, возвращения к Богу в самом себе, по сути не являются сколь-нибудь важными. Люди не нуждаются в психотерапии как таковой: наличие собеседника и спутника на пути самопостижения и Богопостижения возможно, но не обязательно. Более желателен Учитель или иной наставник, позволяющий пройти зоны, кажущиеся или являющиеся иначе, без наставника, непроходимыми. Пока иллюзии социального мира и интенсивны, спутник необходим, когда же человек сталкивается со смертью как аннуляцией «я», его страданий, то осознает: выбор совершается в одиночестве. Добро и зло как ветви дерева Жизни – едины, единственное важное – их осознание как опыт ухода (падения) и возвращения (просветления). Отсюда - различие акцентов Запада и Востока. Восточный психотерапевт много внимания посвящает восстановлению связей человека и общества, разрушение которых ведет к нарушениям психического здоровья и психосоматическим нарушениям. Такое восстановление опирается на философско-религиозные традиции, сложившиеся в тех или иных странах, изучение индигенных священных писаний и т.п.. Так, результатом исследования древних индийских священных писаний было выделение основных особенностей менталитета народов Индии [6], понятий кармы и дхармы, взаимосвязи людей и важности совершенствования, познания Бога в себе и мире. В этой стране психотерапия и психологическое консультирование отчасти излишни: на путях освобождения человек движется гораздо дальше предлагаемого западной идеей психотерапии или психологического консультирования (далее решения проблем, личностной трансформации, целостности и т.д.). Более экологичными для жителей Индии являются собственно духовно-религиозные практики, предполагающие осознание себя частью мироздания. В другой восточной стране, на Филиппинах, создан подход В.Г. Энрикеса, называемый «sikolohiyang Pilipino», опирающийся на концепцию «карма», «единения» как центральной ценности филиппинцев [24] и концепты «bahala na», близкий фатализму, и «utang na loob», отражающий взаимную благодарность и искреннее желание отплатить добром. В этой концепции приверженность своим корням дает человеку

силы для реализации его устремлений [5]. В Японии, более, чем Индия, «открытой» западным идеям психотерапии, индигенизация также вылилась в создание ряда психотерапевтических техник типа «morita-терапия» и «naikan-терапия». Найкан — основана на буддистском учении И. Шиншу, она разработана непрофессиональным священником И.Йошимото и используется в работе с заключенными исправительных заведений, в коррекции антисоциального поведения, в лечении наркоманий и психосоматических расстройств, семейной дисгармонии и в решении других психосоциальных проблем, в том числе в контексте поиска личностного роста и/или духовного развития. Найкан построена на предпосылке, что существование человека поддерживается всем миром - бесчисленными конкретными способами, хотя мы принимаем это без особой благодарности или осознания вклада других в наше повседневное существование: подавляем в себе признание этой поддержки, поскольку боимся оказаться обязанными и лишиться хрупкого чувства самодостаточности в результате переоценки индивидуального существования. Найкан также ориентирована на восстановление баланса искаженно осмысленного прошлого: во время интенсивного курса (шучу) клиент (найканша) сидит в уединенном месте с раннего утра до вечера (обычно с 5 утра до 9 вечера) в течение недели размышляя о прошлом, а консультант навещает клиента в течение дня с интервалами в один-два часа, во время встреч (менсецу) клиент рассказывает психотерапевту о том, что ему удалось вспомнить: что то или иное лицо сделало для клиента, чем клиент ответил на это и причиной каких проблем и забот оказался клиент для этого человека. При ежедневной короткой найткан, ничийо, повседневная активность проходит в промежутке между утренними и вечерними сеансами: размышления сосредоточиваются на том, что получено от других в течение этого дня, что возвращено взамен и источником каких проблем и забот для окружающих оказался клиент в этот день. Клиенты часто рассказывают об о испытываемом ими чувстве вины и раскаяния наряду с повышающимся признанием любви и заботы со стороны окружающих и желанием отблагодарить мир за его постоянную поддержку [20; 22].

Морита-терапия — целесцентрированный, ориентированный на «ответ» психотерапевтический метод предложен С. Морита и основан на положениях дзэн-буддизма, использует также психологические эффекты сенсорной депривации. Цель— научить клиента принимать проявляемые им симптомы как часть своей жизни. Морита-терапия признает неизбежность тревоги, страха и иных негативных переживаний и дискомфорта в существовании. Поэтому важно не достижение жизни, свободной от симптомов, а реалистическое принятие актуального

страдания. Клиент учится отвечать на требования реальности просто потому, что реальность требует той или иной реакции, а не потому, что это поведение приведет к излечению: задачей является слияние «Я» («self») с требованиями окружающей действительности. Переживания неподконтрольны, их можно изучать (концентрация как интроспекция или внутренняя сосредоточенность (mindfulness) и измененное состояние сознания в медитациях разного типа) и менять поступками. Поступки являются правильными или неправильными с точки зрения нравственных ценностей клиента, они сопряжены с моральной ответственностью [20; 22]. Таким образом, философско-религиозная основа психотерапии и ее направленность на помощь в духовном развитии в восточных странах выражена очевиднее, чем в западных, на всех уровнях: и на уровне теорий и психотерапевтических мифов, и на уровне практик и психотехник.

А. Уоттс отмечает, что суть западной психотерапии и восточных путей просветления - в ситуации спонтанности - через разрыв наложенной на клиента двойной связи, и, тем самым и прекращение такого же ее наложения им на других. В какой бы социальной ситуации индивид ни налагал «двойных связей» на других, они ответят ему тем же типом поведения. Психотерапевт сознательно (или того не осознавая) вовлекает клиента в психотерапевтическую двойную связь. Она будет психотерапевтической, поскольку психотерапевт в действительности не стремится господствовать над клиентом в своих собственных целях. Она направлена на выявление собственной противоречивости. Клиент вовлекается в отношение, которое он не способен определить или проконтролировать, как бы он ни старался. Психотерапевт не отрицает симптомов и ощущения нехватки контроля у клиента, но становится на сторону это клиента против его симптомов: он принимает данную клиентом дефиницию проблемы, он позволяет ему - в отличие от других людей - быть вне контроля. «...О пути нельзя спрашивать, на вопросы о нем нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним знанием», - подчеркивает А. Уоттс [12].

Получив разрешение психотерапевта быть больным, клиент «утешается», подводится под власть психотерапевта. Согласившись с тем, что эго не контролирует действий, психотерапевт задается вопросом, хочет ли эго «в действительности» контролировать, либо спрашивает, правильно ли определена проблема. Клиент может или принять, или отвергнуть данное предположение, но психотерапевт скорее всего спорить не будет. Он предполагает, что клиент сопротивляется, косвенно усиливая предположение, что «в действительности» он не хочет улучшения. Предположив существование бессознательного, психотерапевт принимает

и поощряет данный образец поведения, контроль клиента за ситуацией, но в то же самое время он не дает клиенту возможности пользоваться этим образцом для контроля над самим психотерапевтом. Контроль клиента за разговором является подчинением психотерапевту, и этим клиент помещается в двойную связь. Как бы ни старался клиент контролировать психотерапевта, он тут же получает в ответ «уловки», которые расстраивают эти попытки и одновременно провоцируют новые усилия. Причем эти попытки допускаются и поощряются весьма характерным образом - как бессознательные и безответственные.

Важной стороной попыток клиента контролировать психотерапевта, согласно А.Адлеру и другим исследователям, является то, что он старается получить помощь, не отдавая себе отчета о себе самом, не принимая ответственности за происходящее не только в диалоге, но и в самом себе [1]. Его действительное бытие настолько не соответствует образу самого себя, что он не решается обнаружить это несоответствие – однако, он не пришел бы, если бы хоть смутно не ощущал этого разрыва. Вместе с развитием клиент обнаруживает, что все его попытки блокировки и самосокрытия абсурдны: он «заперт в ситуации, выход из которой заключается просто в том, что ему нужно снять преграды». Психотерапевт замечает попытки имитации и подрывает их, пока клиент не перестает блокироваться и беспокоиться. Непроизвольному поведению придается смысл: это также является двойной связью: как бы ни вел себя клиент, произвольно или непроизвольно, он открыт для психотерапевта, которому «прозрачны» различные внутренние преграды. Если клиент покидает это поле, это значит, что он сопротивляется, что также считается показательным: клиент крайне встревожен, а потому скрывается от себя самого.

Избавление зависит от осознания того, что наше за чувство жизни как серьезной проблемы (которая необходимо будет существовать) несет ответственность первоначальное подавление, связанное с принятием согласованности: клиенту и консультанту нужно видеть абсурдность самой проблемы, которую мы пытаемся решать. Осознание того, что «мир есть игра» поначалу «оскорбляет» здравый смысл: если мы хотим быть в согласии, то нам нужно соглашаться и быть согласованными: здесь вывод подменяет предпосылку. Дело не том, что у проблемы нет решения, а в том, что она настолько бессмысленна, что ее нет нужды считать проблемой. Однако, мысль о том, что человеческая жизнь не должна ощущаться как проблема, настолько чужда и невероятна, что, как полагает А.Уоттс, западному сознанию требуется дойти до социальных истоков этого проблематичного чувства. Занятие позиции всегда есть первый шаг в игре, а выбор жизни против смерти, бытия против небытия означает

претензию на то, что их можно разделить. Во сне «не-ведения», когда поле внимания сужено и в него не попадает вещь в ее целостности, наш взгляд направлен скорее на удобную для него фигуру, чем на почву под нею и на контрфигуру. Когда человек начинает давать имена, «нужно знать, где остановиться. «Знающий, где остановиться, может стать непреходящим» [12]. «Знание, где остановиться» - недеяние или невмешательство, предполагает, что люди должны принимать себя такими, как они есть: это ведет к меньшему нарушению социального порядка, чем их обособление и стремление к недостижимым идеалам. Человеческой природе, как и человеческому пониманию, можно довериться, предоставив их самим себе.

С ходом времени двойная связь в психотерапии Запада и в путях освобождения на Востоке становится критической. Клиент не может из нее выбраться, оборвав отношение, поскольку психотерапевт определил это как бессознательное сопротивление лечению или как нежелание поправиться. Он не может заставить психотерапевта принять на себя решения, поскольку отношение всякий раз определялось психотерапевтом как поддержка, но не направляемая психотерапевтом. В этой критической точке фрустрация оставляет клиента, но он не может просто уйти. Он должен вести себя иначе, и может уйти от контроля психотерапевта только путем утраты интереса к своему симптому, который он прекращает посылать. Либо он может признаться в том, что он безуспешно пытался контролировать психотерапевта, равно как и других людей, предлагая им эти симптомы. Но в таком случае он должен признать их своим собственным поведением, принять за них ответственность. В этот момент клиент учится тому, что нет ничего, что он мог бы сделать, чтобы не быть самим собою: перестает отождествлять себя с эго, с тем образом себя самого, который был ему навязан обществом, интегрируется со своим «внешним миром».

В западной психотерапии, где целью психотерапевта является исчезновение - смерть - симптомов нет полного преодоления разрыва между целостным организмом и его средой. В отличие от восточных путей, психотерапия не ставит под сомнение условности понимания, передвижения границы организм/среда полагаются направляемыми из организма. Если техника психотерапии заключается в подрыве ложных и невротических предпосылок клиента (чем больше он их держится, тем сильнее двойная связь), то не так уж важно, будет какой будет теория - даже если просто эклектичной. Психотерапевтическим будет контекст ситуации, где так или иначе, консультант добьется исчезновения симптомов. В таком виде этот принцип прозрачен для клиента, который просто не примет вызова. Кроме того, применение этого принципа при

столкновении со специфическими маневрами данного клиента требует огромной гибкости, практики. Консультант помогает освободиться от призраков иллюзии - майи, то есть всего конечного, измеримого, обособленного. Применяя технику, которой пользовались гуру, психотерапевты облачают ее в наукообразную терминологию, хотя в действительности при помощи внушения сначала «обращают» клиентов, чтобы затем их исцелить. Последним критерием истинности предлагаемой западными психотерапевтами картины души является то, что клиент в инсайте принимает ее за действительную и ему становится легче, исчезают симптомы. Как показали результаты осуществленного нами контент-анализа консультативных бесед [2; 7; 8; 9], а также интент-анализ русского и американского психотерапевтического дискурса, осуществленный А.Ф. Бондаренко и соавторами [5; 6], в психотерапевтических высказываниях американских консультантов акцент делается на парциально выделяемые из целостной жизни человека переживания. Спектр обращений и жалоб шире, однако, уровень принятия и осмысления происходящего, их ценностно-смысловая наполненность, ниже, чем у россиян. В западных традициях, применительно к многообразным западным и вестернизированным подходам в качестве объекта интенциональности психотерапевта в выступает субъективное как основное «место приложения» усилий психотерапевта, внимание уделяется признанию автономии человека, его ответственности за себя и – реже - мир, конфликта долга и свободы, права жить более подлинной жизнью и необходимости подчиняться законам социума, умению устанавливать контакт с самим собой, а не только с окружением. Американские клиенты желают более полно управлять своей жизнью, избавиться от лишнего самоконтроля или от его недостатка, наладить связь с собой, научиться жить более подлинно и полноценно, более осознанно и «стать живыми». Они нуждаются в «жизнеизменяющей психотерапии». Слабость западной психотерапии заключается в принимаемом дуалистическом видении человека и мира, субъекта и объекта. Психотерапия есть ис-целение, делание целостным, поэтому любая система, оставляет индивида на одном из полюсов жизненной дилеммы, достигает - но, с точки зрения восточных практик, - в лучшем случае «мужественного отчаяния».

Пробуждение же в восточной психотерапии ведет к осознанию того, что любой выбор между «противоположностями» суть разделения нераздельного. Индивид действует на мир нисколько не больше, чем мир на индивида. Причина и следствие оказываются составными частями одного события, подчас меняясь местами или сливаясь. Осознание противоречия отделенности - взаимосвязанности человека в

**7th International Conference «Recent trend in
Science and Technology management» 2017, V.2**

освобождении происходит не через бессознательное принуждение, но через инсайт, через понимание и разрыв двойной связи, навязанной обществом. Это не значит, что тем самым он становится не способным играть эту игру: напротив, играть он может еще лучше. Речь о важности понимания специалистом значения деперсонализации, опыта «аннулирования» индивидуального самосознания, при котором индивид сливается с осознанием того, что он прикрепляется уже не к собственному «эго», Я. Некоторые люди желают такого опыта, другие его опасаются. Освобождение не предполагает утраты или разрушения таких конвенциональных концепций, как эго; речь идет о взгляде сквозь них, это есть преодоление эго, рост в признании реальности: чем богаче, сложнее становится картина человека и мира, тем сильнее сознание ее относительности и взаимосвязи всех ее моделей в нераздельном целом.

Психотерапия связана с осознанием того, что дело не в том, чтобы прекратить процесс выбора, приняв «окончательное решение» или «окончательный диагноз», а в том, что выбирать нужно, зная, что выбора на самом деле - в реальности, в которой живет человек с другими людьми - нет. Результат освобождения - избавление от морали самосохранения и бегства от смерти. Не освобождение проверяется по своей способности приводить к «хорошим исходам» и «добрым делам»; но сами эти исходы и поступки проверяются по тому, несут ли они освобождение, дают ли они возможность – помогающему и просящему помощи – быть наедине с собой и в общении друг с другом без подавления и отчуждения. Функция морального поведения в рамках такого понимания является вторичной. Однако, пока жизнь является «работой-против-смерти», это не заметно. «Фрустрацию вызывает неспособность жить без смерти, то есть неспособность решать бессмысленную проблему.». Трудность психотерапии как освобождения в том, как привести собеседников к видению того, что жизнь и смерть не составляют проблемы, они проблематичны для личности. Жизнь перестает выглядеть проблематичной, когда понято, что «эго»(личность) есть социальная функция. Болезнь и смерть несут боль, но проблематичными их делает то, что они постыдны для «эго»: «Ты больше не чувствуешь себя вполне человеком. Ты неожиданно свелся к статусу объекта - живого объекта, но уже не личности...». Оставшаяся ранее бессознательной или социально игнорируемой форма человека представляет форму мира: человек и мир едины и относительно постижимы. «То, что многие открывают в смерти, открывается посреди жизни путями освобождения». Небытие и смерть - возможность подлинного бытия. За этим, следует стадия, на которой пессимизм и гнев сменяются «чем-то другим», иногда - смирением. Движение от этой стадии далее сопровождается одиночеством

освобождения: приходит понимание того, что безопасности не найти в толпе, исчезает наивная вера в то, что правила игры являются законами природы. В поисках освобождения клиент приходит к Учителю, гуру или к психотерапевту как наставнику с вопросом: «Что мне делать, чтобы спастись?» Этот вопрос показывает, что клиент принимает за реальность иллюзию, поэтому единственное, что может сделать психотерапевт - убедить индивида в том, что ему следует разобраться с ложной предпосылкой, пока он не увидит своей ошибки. Попытка избавиться от принятых мифов и идеологий, не становясь жертвой страхов других людей, - требует немалых усилий в смысле установления полноценного диалога с собой и миром. На этом пути возможно бегство клиента – как в «болезнь», так и в «здоровье», возможна и «консервация» переживаний и представлений клиента, обнаружившего, что то «невыносимое» с которым он пришел к гуру – не сравнимо с «невыносимым», которое обнаруживается или возникает в попытках развенчания иллюзий проблемности.

Когда хорошо видна относительность вещей, а также их взаимосвязь, то соответствующим такому видению аффектом будет не страх или ненависть, но любовь. Именно этот способ видения необходим для эффективной психотерапии. В результате происходит смещение «Я» от независимого наблюдателя ко всему «наблюдаемому»: исчезает конфликт субъекта и объекта. Поначалу это смущает и приводит в замешательство, поскольку отсутствует та независимая точка, из которой совершаются воздействия на события, где находится автономный контролирующий воздействия центр. «Центры» оказываются множественными и/или размытыми: уже не существует возможность воздействия без противодействия, не существует возможности «наивного» и недетерминированного извне «не-ведения». На языке психотерапии это - конец отчуждения - как индивида от себя самого, так и индивида от природы, принятие себя самого или психологическая интеграция [2; 8; 15].

Российская модель психотерапии. Россия интегрирует эти подходы, опираясь на духовные идеалы православия с одной стороны, и на переосмысление и интеграцию идей Запада и Востока с другой. Обе эти стороны и индигенны и транскультурны. В отечественном психотерапевтическом дискурсе понятие долга понимается как высшая, божественная сущность человека, в восточных техниках и подходах много внимания уделяется проблемам солидарности и благодарности, интеграции человека в мир людей. Отечественные и некоторые западные, экзистенциально-ориентированные, исследователи аксиологические понятия «добро» и «зло» определяют как критерии душевного здоровья или нездоровья личности [5; 6; 13]. Добро, соответствующее сути

7th International Conference «Recent trend in Science and Technology management» 2017, V.2

человека, исцеляет душу, возвращает ей целостность и ценно само по себе, а зло — ненормально как беззаконие оно есть грех и отрицание святости, безнравственность. Поэтому оно - источник страданий и дисгармонии.

Психосемантическое исследование православной богословской традиции позволило ученым выделить ряд базисных категорий, определяющих ценностное содержание российской ментальности: созерцательность, а не практицизм, любовь и долг, а не свобода [5; 6; 25]. Это - ведущие ценности, с которыми приходится иметь дело отечественному консультанту и которые роднят Россию с Востоком. У россиян акцент делается на проблеме добра и зла, выбора и нравственного осмысления происходящего, нравственного усилия по преодолению страдания, то у американских консультантов «воздейственный радикал» приходится на гедонистический посыл достижения личной свободы. Как показали результаты упоминавшегося выше контент-анализа консультативных бесед [2; 7; 8; 9], а также интент-анализ русского и американского психотерапевтического дискурса, осуществленный А.Ф. Бондаренко и соавторами, понимание россиянами других людей и ситуаций межличностных отношений более развернуто, диалогично, отличается принятием, в обращениях за психологической помощью российских клиентов преобладают жалобы, относящиеся к виктимизирующим межличностным отношениям [5; 6]. В содержании жалоб россиян преобладает спектр переживаний, вызванных травмой межличностных отношений: обида и вина, унижение и беспомощность, ощущение тупика и душевная боль, разочарования и предательства, которые переживаются, в частности, на уровне психосоматических и психических нарушений - страданий, сострадание вплетено в повседневность, поэтому человек склонен даже к психологу обращаться не столько за состраданием (он имеет возможность удовлетворить подобную нужду и в повседневном общении), сколько именно за помощью в деле избавления от страданий, исцелением (излечением). Анализ функций психотерапевтических высказываний в российских подходах показывает целостность подхода к страждущему, его диалогичность. Российские пациенты или клиенты обращаются к психотерапевтам и консультантам «не по прихоти», а по «жизненным показаниям», то есть - в ситуации острого психофизиологического страдания, сгорания от копившихся годами неотработанных переживаний, когда, вследствие травматических виктимизирующих его отношений, «болит душа», а сострадание не помогает. Ресурсы клиента - в сверхличных ценностях, воплощенных в значимых других: человек есть, по словам М.М. Бахтина, «уравнение Я и другого» [5].

7th International Conference «Recent trend in Science and Technology management» 2017, V.2

Российской культуре близок «этический персонализм», отражающий психологическую реальность межличностных отношений, важность баланса жертвоприношения и самопожертвования, преодоления позиции жертвы путем переосмысления своего самопожертвования как дарения, рефлексия путей девальвации личного достоинства и др., которые, вместе с тем несут в себе большой потенциал универсальности [5; 25]. В России свобода, говоря словами А.А. Ухтомского [13], дается только там, где есть «дары Духа Святого», а не произвол личности. Поэтому психотерапевтическая помощь в России – это помощь ценностно-смысловая, ориентированная на изменение отношений человека к себе и миру в направлении их гармонизации - друг с другом и высшими «пределами» своего бытия. Ресакрализация способна помочь решить проблемы пациентов с самыми «стойкими» нарушениями.

Однако, России не чужды и «высшие» аспекты экзистенциальной традиции и сама идея консультирования, обращенного на помощь страдающему человеку и в своем страдании, трансцендирующему, выходящему за пределы себя, своего мира – «восточного», «западного» и даже «российского». Однако, часто увлеченность отечественных специалистов западными техниками и идеологиями работы, которые диссонируют с особенностями менталитета обращающихся за психологической помощью, приводит, скорее, к переориентации на проведение обучающих «тренингов», чем к улучшению реальной консультативной работы. Что же касается медицинской психотерапии, она демонстрирует высокую ригидность, пытаясь не изменяться ни в «восточную», ни в «западную» сторону, в целом фокусируясь на сциентистских, западных канонах помощи, исключая по большому счету сколь-нибудь развернутое обращение к духовным, философско-религиозным аспектам. Принципиально новое решение данной проблемы дает развитие системы оказания психологической помощи по вектору индигенизации, подразумевающему разработку эффективных культуросообразных методов, сочетающих в себе индигенное и универсальное, «объективное» и «субъективное», «психологическое» и «духовное».

Транскультурные аспекты и интеграция подходов

Однако, когда речь идет о нетипичных ситуациях, в которых человек вынужден искать собственные ценности и соотносить их с реальными обстоятельствами, можно выделить как минимум две системы «возложения обязанностей»: 1) внешние испытания, ситуации и приходящее с ними внешнее, принудительное «распределение» ответственности, от которой пациенты (клиенты) стремятся избавиться,

**7th International Conference «Recent trend in
Science and Technology management» 2017, V.2**

как от иллюзии, чтобы улучшить качество своей жизни, обрести «подлинность»; 2) внутреннее долженствование, опирающееся на всю систему жизненных смыслов человека, побуждающее его переносить тяжелые и сверхтяжелые испытания, травмирующие, виктимизирующие ситуации и отношения, не столько в поисках «истинного», которое – уже давно найдено, сколько в поисках выхода – из лабиринта, в который человек опадает, утрачивая связь с истинным. Вторая ситуация намного сложнее и ближе сути экзистенциальной и религиозно-ориентированной психотерапевтической помощи, особенно тогда, когда речь идет о страданиях как психических и психосоматических нарушениях, страданиях «на грани» ресурсов выживания иди – иногда и за ними, в поле «невозможного», в котором происходит встреча с Божественным. Первая ситуация проще: экзистенциальный вакуум как ненайденность и потерянности побуждает человека Запада «прокладывать путь», который, как известно, с попутчиком всегда выглядит короче и интереснее. Третья возможность, свойственная Востоку – возможность отсутствия проблем, их иллюзорности, замена представления о проблеме понятием «кармы», о которой бессмысленно спорить, которую невозможно изменить и которая почти полностью отрицает свободу как таковую. Она говорит об ответственности за выполнения «должного» как вне, так и внутри человека: от правильных поступков и отношений с окружающими до правильных переживаний и осознаний, правильных отношений с самим собой, которые предполагают техники и идею «сбывающегося», разворачивающегося из самого себя бытия: «Желтая вещь – не зеленая, красная – не желтая, сами разберутся», - гласит один из коанов дзен, «Две собаки дерутся – третья – не лезь», - звучит русская поговорка. Психотерапевт как учитель освобождения опирается на представление о том, что любые знания, умения, ценности иллюзорны и бессмысленны, пока не достигнут уровень Ничто: путь к которому лежит в лабиринте межличностных проблем и личных страданий, этот путь – не есть излечение страдания, но исцеление самой жизни, понятой как Бог, возвращение к Нему как предельному смыслу за смыслом, ценности за ценностью [12]. Поэтому в наиболее современные психотехники и подходы Запада активно включают подходы Востока и наоборот. Это можно проследить, например, через эволюцию психотехники «расстановок» Б. Хеллингера. Он полагает, что смертельно /тяжело больной человек часто отражает «запутанный клубок» семейных отношений и представляет кого-то из своей семьи, например, жертву. Если эта жертва не получила уважения в семье, то больной хочет искупить эту вину или стать таким же, как эта жертва. С одной стороны, это действие коллективной совести, которая не осознаваема. С другой

стороны, коллективная совесть действует рука об руку с личной совестью». По его мнению, многие больные отрезаны от «Великой Души»: эта душа выходит за пределы души рода, и для больного важно снова прийти в гармонию с чем-то большим, чем семья и род – с Богом. И тогда эта связь выступает как духовное измерение — ощущение связи с чем-то большим и принадлежности к нему. Ну пути к такому воссоединению полагается необходимым остановить внутренний диалог: когда пациенту «расстановок» предлагают в молчании найти, в присутствии и вместе с психотерапевтом, состояние внутренней тишины, через некоторое время пациент становится тихим, спокойным не только снаружи, но и внутри, а защитные механизмы, которые работают через традиционное описание проблемы, отступают. Душа человека получает пространство и время, чтобы открыть себя и вывести наружу истинно важное. Это можно назвать так: «сдаться важнейшей истине» или «отдать себя важнейшей истине», в результате которой человек приходит к глубокой собранности и покою. Специалист при этом выступает как посредник, который остается внутренне собранным, осознавая, что что-то происходит. Контакт с Великой Душой исцеляет изнутри, человек просто возвращается к Бытию. При этом многие вопросы такого исцеления связаны матерью, но не столько реальной, сколько символической: мать как представитель рода, семьи в этом контексте — это образ большего, она - символ жизни, врата жизни. Чтобы наладить эту связь пациенту важно «поклониться» матери и отцу, роду: выразить благодарность, любовь, увидеть единство семьи и рода и их роль в своей жизни. Когда глубокая связь с ними внутренне достигнута, когда человек смог внутренне поклониться матери, увидеть ее и отца, стоящий за ними род и принять их как данность, как источник своей жизни и ее часть, тогда налаживается связь с Великой Душой. Это нельзя назвать «работа души», скорее речь идет о «наблюдении душой», благоговении (немецкое «andacht», английское «awe»), которое вводит душу в пространство глубокой преданности: за пределами активности и пассивности, «добра» и «зла» [17], за пределами индигенности, в транскультурное или общечеловеческое пространство.

Т.о., психотерапия предстает как процесс переосмысления себя человеком в мире, осознание «двойственных взаимосвязей», мешающих неиллюзорному пониманию, а также самого процесса понимания, как связанного как с самой реальностью, так и социокультурными значениями, присвоенными субъектом в ходе его жизни: влиянием контекста на смысл понимаемого. В ходе этого процесса важно: понимание клиентом самого себя и мира, самопонимание консультанта и его понимание клиента, а также осмысление субъектами ситуации их взаимодействия – как ситуации «двойной связи», направленной на

осознание и разрушение «двойной связи». Различия сказываются в том, каким образом социальные институты данной этнической общности структурируют, искажая, реальность человека и в том, каким образом и в какой мере («завершенности») эти искажения могут быть преодолены.

К. Солер отмечает, что в психотерапевтической ситуации момент перехода, выхода из консультативного запроса (как «момента отторжения символического») происходит выход из «трансферного запроса». Она выделяет три способа «практического разрешения выхода» (завершения психотерапии): 1) субъект удовлетворяется полученным знанием, которое он рассматривает как разгадку своей позиции и уловок, ориентировавших до этого его отношения с другими, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности (*fin mot* становится *mot de la fin* (разгадка - словом конца); 2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа, не стараясь более придать основание подъему своего упорства. «Баста» определяет выход «как бы взятый на измор», выход через признанное бессилие (отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова)); 3) Клиент полагает найденным решение «испытанию бессилия» в невозможном. Происходит поворот от бессилия к невозможному – осознание и принятие выбора в ситуации невозможности выбора, необходимости понимания в ситуации его невозможности и т.д. [11]. При этом, выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле «исчерпания ресурсов символического» (способов формирования клиентом смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах): первый предполагает оправдание надежд, но пренебрежение и игнорирование тупиков, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность «знанием», ценным в культурах Запада; во втором случае надежды не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого), что типично для многих восточных подходов; в третьем случае заключение невозможности иногда имеет эффект «выходящего за предел» отказа от понимания и изменения или к попыткам осуществления невозможного как невозможного (например, в процессе трансляции желания отстраненного или эмпатического понимания). На пути такого «интегрирующего парадокса» встречаются восточные и западные практики и теории психологической помощи и духовного развития. Парадокс как феномен и группа психотехник весьма близка российской ментальности.

Заключение

Индигенная помощь рассматривается как система психологической мысли и практики, основанная на определенной социокультурной традиции. Тенденции индигенизации выражаются в

7th International Conference «Recent trend in Science and Technology management» 2017, V.2

стремлении все большего числа исследователей-психологов к построению системы научного психологического знания а, следовательно, и системы оказания психологической помощи, исходящих из индигенных реалий — ценностей, верований и убеждений, которые, в свою очередь, опираются на философскую и религиозную традицию определенного этноса. Предполагается, что каждая цивилизационно-культурная общность в идеале должна развивать свой собственный индигенный подход. Западные, «вестернизированные» подходы зачастую являются индигенными, отражают традиции, идеологию и ценности западного общества. Транскультурные аспекты западных подходов обнаруживаются в их сопоставлении с восточными, при изучении смысловых и интерактивных аспектов взаимодействия специалистов и клиентов. Теоретические и психотехнические аспекты часто специфичны для западных культур. Попытки приписывать им статус универсальных, бездумное использование за пределами западной культуры безосновательны, также, как и бездумное использование восточных практик на Западе и в России. «Подлинная задача отечественной психологии — разработка культуросообразных методов, способных обогатить мировую психологическую практику, внося в арсенал лечебного психологического воздействия более тонкие и прицельные средства, несущие в себе высокий потенциал подлинной универсальности» [6].

References:

- [1] Adler A. The Practice and theory of individual psychology. – M.: Academic Project, 2011. – 240p. (In Russian)
- [2] Arpentieva M. R. Understanding in Supervisory counseling: schools, models, strategies, components. Kaluga state University named. K. E. Tsiolkovsky, 2014. – 564p. (In Russian)
- [3] Arpentieva M. R. Understanding as a phenomenon of interpersonal relations (on the material of psychological counseling). Diss. ... doctor. the course of studies. Sciences. – M.: Moscow state University, 2015. – 497p. (In Russian)
- [4] Arpentieva M. R. the Western and Eastern model of psychological help and understanding. // Studia Culturae. – S.-Pb.: The Institute of philosophy of Saint Petersburg state University, 2014. – Vol. 22. – 230 p. – P. 54-62. (In Russian)
- [5] Bondarenko A. F. Conceptual thesaurus of ethical personalism as the Russian tradition in psychotherapy // journal of the practicing psychologist. – 2005. – No. 11. – P. 39-48. (In Russian)
- [6] Bondarenko A. F., Fedayk S. L. Trends indigenisation and their reflection in contemporary counseling psychology / Medical

**7th International Conference «Recent trend in
Science and Technology management» 2017, V.2**

- psychology in Russia: electron. scientific. Sib. – 2014. – № 5(28)
[Electronic resource]. – URL: <http://mprj.ru> (reference date:
10.05.2016). (In Russian)
- [7] Minigalieva M. R. Cross-cultural aspects of psychosocial care:
understanding and tolerance. – Kaluga: control.Uh. Bauman,
Manuscript, 2002. – 190p. (In Russian)
- [8] Minigalieva M. R. Features of strategies understanding of consultants
in a multicultural dialogue // Vestnik of Kostroma state University. –
Ser. "Pedagogy. Psychology. Social Sciences". – 2013. – №1. – P.
147-150. (In Russian)
- [9] Minigalieva M. R. Strategy and the schema of self-understanding
customers in a multicultural dialogue // Vestnik of Kostroma state
University. – Ser. "Pedagogy. Psychology. Social science." – 2012a. –
No. 4. – P. 175-178. (In Russian)
- [10] Minigalieva M. R. Tolerance and multiculturalism: the modern ethnic
psychology and multicultural counseling. Kaluga state University
named. K. E. Tsiolkovsky, 2012b. – 332 p. (In Russian)
- [11] Soler C. the Clinical lessons of the transition.// Logo.-1992.-№3.-P.
178-189. (In Russian)
- [12] Watts, A. Psychotherapy East and West. - M.: Whole world, 1997. –
140p. (In Russian)
- [13] Ukhtomsky A. A. From double to the interlocutor // Ukhtomsky A. A.
Dominanta. – S.–Pb.: Peter, 2002. – P. 335-391. (In Russian)
- [14] Arnett J.J. The neglected 95%: Why American Psychology Needs to
Become Less American // American Psychologist. – 2008. – Vol. 63,
№7. – P. 602–614.
- [15] Arpentieva M.R. Understanding as a phenomenon of social
psychology. -North Carolina, USA: Lilu, Si-press, 2016. – 240p.
- [16] Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A. The Weirdest People in the
World? // Behavioral and Brain Sciences. – 2010. – №33. – P. 61–135.
- [17] Hellinger B. On Consciences. 2007. 18p. URL: [http://www.cf-
evajacinto.pt/wp-content/uploads/2013/02/On-conciences-Bert-
Hellinger-2007.pdf](http://www.cf-evajacinto.pt/wp-content/uploads/2013/02/On-conciences-Bert-Hellinger-2007.pdf) (дата обращения 10.07.2016)
- [18] Hwang K.-K. The Third Wave of Cultural Psychology. The Indigenous
Movement // The Psychologist. – 2005. – Vol. 18, №2. – P. 80–83.
- [19] Kim U., Yang K-Sh., Hwang K-K. Indigenous and Cultural
Psychology: Understanding People in Context. – Springer US, 2010. –
518 p.
- [20] Morita therapy. In: Handbook of Innovatibe psychotherapies / Ed. by
R. Corsini. — John Wiley & Sons, Inc., 2001. P. 392—400.

**7th International Conference «Recent trend in
Science and Technology management» 2017, V.2**

- [21] Okazaki S., David E.J.R., Abelman N. Colonialism and Psychology of Culture // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2008. – Vol. 2, №1. – P. 90–106.
- [22] Ozawa-de Silva Ch. Demystifying Japanese Therapy: An Analysis of Naikan and the Ajase Complex through Buddhist Thought, Ethos. – 2007. – V. 35, (4). – P. 411–446.
- [23] Pedersen P. A handbook for developing multicultural awareness.– Alexandria, VA: AACD, 1988.– 360 p.
- [24] Pe-Pua R., Protacio-Marcelino E. Sikolohiyang Pilipino (Filipino Psychology): A legacy of Virgilio G. Enriquez // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2000. – №3. – P. 49–71.
- [25] *The Russian mentality: Lexicon* / Ed. by A. Lazari. – Katowice: Slask, 1995. – 135 p.